

С чистого холста

Камиша

С чистого холста

«Автор»

2026

Камиша

С чистого холста / Камиша — «Автор», 2026

Все вокруг живут «правильно»: получают кольца на безымянный палец, строят карьеры и вешают на стену дипломы, которые должны сделать их счастливыми. А я? Я учусь в меде, ненавижу запах спирта и каждое утро просыпаюсь с тяжелым ощущением, что проживаю чужую, выдуманную жизнь. В 20 лет я поняла: если не остановлюсь сейчас, я окончательно сломаюсь под грузом чужих ожиданий. В один вечер я просто приняла решение. Выкинула медицинский бейдж в мусорный бак, купила билет на первый попавшийся поезд в один конец и выключила телефон навсегда. Я стала «невидимкой» в чужом городе, чтобы наконец-то узнать, кто я такая, если убрать из уравнения мнение родителей, советы подруг и навязанный «успешный успех». Это не история о том, как легко бросить всё. Это история о том, как страшно — и необходимо — сбежать из идеальной жизни, чтобы найти свою настоящую.

© Камиша, 2026

© Автор, 2026

Содержание

1 Глава	5
2 Глава	9
Конец ознакомительного фрагмента.	10

С чистого холста

1 Глава

Запах в морге был не просто неприятным. Он был въедливым, сладковато-гнилостным, и, казалось, он навсегда пропитал мою кожу, мои волосы, мои мысли. Я стояла, сжимая в кармане халата холодный металлический зажим, и смотрела на кафельный стол. Преподаватель что-то увлеченно бубнил про особенности строения тканей, а мои одногруппники — прилежные, сосредоточенные, «будущие светила медицины» — старательно конспектировали каждое его слово.

Меня стошнило. Не физически — тошнота была глубже. Она поднималась из самого желудка, подкатывала к горлу, когда я видела, как Максим, мой одногруппник, аккуратно делает разрез. Он делал это с таким удовольствием, с такой уверенностью, которой у меня не будет никогда.

Я перевела взгляд на свои руки. Они были бледными, тонкими, совершенно не подходящими для того, чтобы вершить судьбы или копаться во внутренностях. «Что я здесь делаю?» — этот вопрос пульсировал в висках громче, чем лекция.

После пары я вышла на улицу. Холодный ноябрьский воздух немного прояснил сознание, но тяжесть не ушла. Зашла в кофейню напротив университета. Там, за соседним столиком, сидела Юлька. Она светила. На пальце поблескивало кольцо — подарок от её парня-ординатора.

— Милана! — она радостно замахала мне рукой. — Ты не представляешь, мы вчера выбрали ресторан! А ты что такая кислая? Опять зачет по гистологии? Ничего, скоро сессия, потом практика, интернатура — и будем лечить людей! Ты подумала про ту клинику, куда я советовала податься?

Я натянуто улыбнулась, чувствуя, как внутри всё сжимается в комок.

— Да, Юль, конечно. Подумаю.

Я врала. Я не думала ни про какую клинику. Я вообще не могла представить себя в белом халате через год, через пять лет или через десять. У всех вокруг был план. У Юльки — свадьба и карьера. У Максима — амбиции и научная степень. У родителей — «Милана станет врачом, это престижно».

А у меня? У меня была только оглушительная пустота. Я не знала, кем хочу стать. Мне не хотелось спасать жизни, не хотелось стоять на дежурствах, не хотелось быть частью этого конвейера. Я не знала, что я люблю. Я не знала, что мне нравится. Я будто была персонажем в книге, где кто-то другой написал все мои реплики, а я просто послушно открываю рот, произнося чужие слова.

Я вышла из кофейни, достала телефон и зашла в социальные сети. Фотографии счастливых лиц, достижения, успехи, «я на пути к своей мечте». Я закрыла экран, будто он жег мне пальцы.

На светофоре я остановилась и посмотрела на свое отражение в витрине магазина. На меня смотрела девушка с пустыми глазами, одетая в белый халат, который был ей велик, как и вся эта жизнь.

В этот момент я поняла: если я сейчас же не сделаю шаг в сторону, я просто перестану существовать. Я растворюсь в этом запахе антисептика, в чужих ожиданиях и в этой невыносимой, фальшивой правильности.

Я засунула руку в карман, нащупала студенческий билет и бейдж с надписью «Милана Ветрова».

— Хватит, — прошептала я сама себе, и голос прозвучал удивительно твердо.

Я еще не знала, куда пойду. Я еще не знала, что буду делать завтра. Но я точно знала, что больше не войду в стены этого университета. Никогда.

Вернувшись в общежитие, я заперлась в комнате. В воздухе висел запах старой пыли и соседской лапши быстрого приготовления — запах моей нынешней реальности.

На столе лежали учебники по анатомии. Тяжелые, толстые, обтянутые кожей, они казались мне надгробиями. Я села на кровать, обхватив колени руками. Голова шла кругом. Что делать дальше? Позвонить матери? Представила её голос: «Миланочка, ты что, с ума сошла? Это же престижно! Диплом — это база! Ты просто устала, возьми выходной».

Они бы не поняли. Они бы превратили мою жизнь в дискуссию, в список аргументов «против», в бесконечные нотации о том, как «надо жить правильно». Я знала, что как только открою рот, мой побег будет обречен. Я просто не имею права обсуждать с ними решение, которое уже приняла моя душа.

Я открыла ноутбук. Единственный человек, который не требовал от меня успеха — это Катя. Мы познакомились три года назад в паблике для тех, кто ищет вдохновение в творчестве, а не в карьерных лестницах. Катя жила в Москве, работала на фрилансе и никогда не спрашивала, почему я всё ещё учусь там, где мне плохо.

«Кать, я ухожу», — напечатала я, глядя на мигающий курсор.

«Из меда?» — пришло мгновенно.

«Из всего. Я не могу здесь дышать. Мне нужно уехать. Сейчас же».

Сердце колотилось в горле, как пойманная птица. Я не ждала от неё одобрения, я искала точку опоры.

«У меня есть диван, Мил. И билет на ночной поезд до Москвы стоит копейки. Если ты не уедешь сейчас — ты не уедешь никогда. Я буду ждать».

Я закрыла ноутбук. Руки дрожали так сильно, что я едва могла попасть пальцами по экрану телефона. Зашла в приложение авиабилетов. Мои накопления — жалкие двадцать тысяч, отложенные с подработок и родительских переводов «на обеды».

Выбрала рейс на ближайшее утро.

Палец завис над кнопкой «Оплатить». В голове мелькнуло: «Милана, ты совершаешь самую большую ошибку в жизни». Но следом пришло другое: «Худшая ошибка — это прожить чужую жизнь до конца».

Нажала «Купить».

Экран мигнул: *«Билет забронирован. До вылета: 6 часов 40 минут».*

Я выдохнула. Комната перестала быть моей тюрьмой — она стала просто комнатой в хостеле, из которой я скоро навсегда выйду. Я не взяла с собой ничего лишнего: никакой медицинской литературы, никаких памятных безделушек, которые напоминали бы мне о «той» Милане. Только паспорт, зарядку, пару свитеров и тетрадь для записей, в которой годами не было написано ни строчки от сердца.

Я легла на кровать, не раздеваясь. Впервые за два года я не ставила будильник на «учебу». Я поставила его на «свободу».

Завтра в это время я буду в воздухе. Завтра я больше не буду студенткой меда. Завтра я стану никем.

И эта мысль, вопреки всему, приносила мне не страх, а странное, почти пьянящее спокойствие.

Утро в общежитии встретило меня не лучами солнца, а тяжелым, свинцовым молчанием. За окном шел мелкий, противный дождь, превращая город в размытое серое пятно. Я смотрела на свои вещи — всё мое «нажитое» за два года учебы имущество уместилось в один чемодан и рюкзак.

На столе, прямо поверх распахнутого учебника по хирургии, лежал телефон. Я сознательно не заходила в мессенджеры. Знала, что там — бесконечные сообщения от мамы:

«Милочка, ты поела?», «Как зачет?», «Мы с папой гордимся, что ты выбрала такой сложный путь».

Они жили в другом конце страны, за тысячи километров отсюда, и это давало мне странную, колючую свободу. Я не хотела сейчас слышать их голоса. Если бы я услышала их обеспокоенный тон, если бы мама спросила, не слишком ли я бледная — я бы сломалась. Я бы начала оправдываться, объяснять, что «медицина меня душит», а они бы начали успокаивать меня, предлагая «просто отдохнуть неделю дома». Но это не было усталостью. Это был конец.

Я решила: никаких объяснений до тех пор, пока я не пойду по своей дороге. Пусть это будет эгоистично, пусть это будет жестоко, но если я сейчас начну отчитываться, я никогда не уеду. Я останусь запертой в этом теле, в этом халате, в этом чужом сценарии.

Путь до аэропорта казался сном. Такси петляло по улицам, мимо знакомых витрин, мимо университета, чьи серые стены каждое утро высасывали из меня остатки радости. Я смотрела на всё это, и мне становилось невыносимо грустно. Я прощалась не с городом, а с той «Миланой», которую все знали. Той послушной девочкой, которая никогда не спорила, всегда приносила хорошие оценки и вежливо улыбалась, когда ей хотелось кричать. Мне было до слез жалко ту Милану, которая так старательно пыталась втиснуть свою жизнь в узкие рамки чужих ожиданий. Она была хорошей, эта девочка. Но она была не мной.

Аэропорт ослепил меня ярким светом ламп. Гудение толпы, суета, объявления рейсов — всё это казалось мне шумом другого мира. Когда я подошла к стойке регистрации, руки начали дрожать так сильно, что паспорт едва не выскользнул из пальцев.

— Девушка, вы летите одна? — спросила сотрудница, глядя на мою бледность.

— Да, — голос прозвучал глухо, как из бочки. — В Москву. В один конец.

Я прошла досмотр, сбросила обувь, прошла через рамку, чувствуя себя обнаженной. Каждый шаг давался с трудом, словно ноги налились свинцом. Оказавшись в зале вылета, я нашла самый дальний угол и опустила на жесткое пластиковое сиденье.

Здесь, среди сотен незнакомых людей, страх накрыл меня цунами. Внутри проснулся ледяной голос сомнения: *«Что ты творишь? Ты сбежала как преступница. У тебя нет ни работы, ни нормального плана, ни права на ошибку. Ты просто прилетишь к подруге, которую видела только в интернете, и что дальше?»*

Я сжала края рюкзака. Ладони стали влажными от пота. Сердце колотилось так, что, казалось, его слышат все вокруг. А что, если я — просто неудачница, которая не смогла вытерпеть обычную нагрузку? Что, если я приеду, посижу у Кати пару дней, а потом осознаю, что везде одинаково плохо, потому что «плохо» — это внутри меня?

Я достала телефон. Экран засветился пропущенными звонками. Мама. Папа. Одногруппники. Они уже начали искать меня. Палец завис над кнопкой «Выключить». Это была точка невозврата. Если я сейчас нажму — я официально исчезну из их реальности.

Я вспомнила запах формалина, который, казалось, въелся в мои поры. Вспомнила холодную сталь инструментов. Вспомнила чувство, когда ты просыпаешься утром и хочешь только одного — чтобы день не наступал.

Я нажала «Выключить». Телефон погас, превратившись в кусок черного стекла.

— Пусть я буду никем, — прошептала я, чувствуя, как по щеке катится первая горячая слеза. — Но я буду собой.

В динамиках объявили посадку на мой рейс. Я поднялась, вытирая лицо рукавом. Ноги все еще подрагивали, но в груди, впервые за долгие годы, появилось крошечное, почти незаметное тепло. Это была надежда.

Я шла по телетрапу, и каждый шаг был словно глоток свежего воздуха. Там, за облаками, меня ждала Москва, ждала Катя и, может быть, та жизнь, которую я наконец-то смогу назвать своей.

Вот и начинается новая глава в моей жизни..

2 Глава

Самолет приземлился в Шереметьево, когда сумерки уже накрыли Москву густым бархатом. В иллюминаторе плыли огни — бесконечные россыпи желтых и белых искр, похожие на рассыпанные по черному полотну бриллианты. Я прижалась лбом к холодному стеклу. Внутри меня всё ещё вибрировал гул двигателей, но это была лишь слабая тень того ужаса, что я испытывала утром. Сейчас на его место пришло пугающее, острое, как лезвие, любопытство.

Когда я вышла в терминал, меня чуть не сбила с ног толпа. Москва не просто жила, она неслась вперед, сметая всё на своем пути. Я чувствовала себя песчинкой в этом океане.

Я начала искать глазами Катю. Мы дружили пять лет, обменивались длинными голосовыми сообщениями, знали тайны друг друга, но никогда — слышите, *никогда* — не видели друг друга вживую. Я знала, что она будет в яркой оранжевой куртке, как мы и договаривались.

Но тут мой взгляд упал на ленту выдачи багажа. Один за другим люди подходили, хватали свои сумки и уходили. Моя лента остановилась. Последний чемодан был забран. А моего — темно-синего, единственного, что связывало меня с прежней жизнью — на ленте не было.

Паника ударила в виски. В чемодане были все мои сбережения, спрятанные в глубине между одеждой, паспорт, документы об образовании (которые я зачем-то всё же прихватила), и единственное дорогое мне украшение — серебряный кулон, подаренный бабушкой.

Я заметалась по залу, опрашивая охранников, бегая от одной стойки к другой.

— Девушка, успокойтесь, пишите заявление, — сухо бросил сотрудник, протягивая мне бланк.

Я писала, а у самой дрожали руки. Вот он — первый «успех» самостоятельной жизни. Остаться в огромном мегаполисе без вещей, без денег и почти без надежды.

— Милана?

Я обернулась. Передо мной стояла девушка с короткими светлыми волосами в ярко-оранжевой парке. Катя. Настоящая, живая Катя. Она выглядела точно так же, как на аватарке, только в жизни в её глазах было куда больше понимания. Она не стала расспрашивать про вещи. Она просто подошла и крепко, до боли, обняла меня. В этот момент я впервые за все годы почувствовала, что я не одна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.